

самъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ своей жизни съ чувствомъ величайшаго отвращенія. Люди ему опротивѣли и самъ онъ себя опротивѣлъ. Толстой ѣдетъ въ Ясную Поляну (гдѣ продолжаетъ писать), а оттуда дважды выѣзжаетъ за границу (1857 и 1859). Заграницей—рядъ интересныхъ встрѣчъ, посѣщеніе лекцій Дройзена, Дюбуа Реймона, знакомство съ Шульце-Деличемъ, Дистервегомъ, Ауэрбахомъ, Фребелемъ, изученіе педагогики. Въ общемъ, конечно, ничего систематическаго и послѣдовательнаго. Черезъ Герцена Толстой сближается съ Прудономъ, и, несомнѣнно, подпадаетъ подъ самое сильное вліяніе его анархическихъ идей, которыя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали и настроеніямъ Толстого, и его скептицизму къ общественной дѣятельности, и его вѣрѣ въ необходимость личнаго самоусовершенствованія и тѣмъ наслѣдственно пріобрѣтеннымъ предразсудкамъ, о которыхъ будетъ еще рѣчь ниже.

Пребываніе за границей связано съ двумя крупными для Толстого потрясеніями. Онъ присутствуетъ при смертной казни, и картина этого юридическаго злодѣянія потрясаетъ его до глубины души и заставляетъ его усомниться въ цивилизаціи. Существуетъ-ли прогрессъ, если и теперь возможны смертныя казни—вотъ вопросъ, который ставитъ себя Толстой и разрѣшаетъ, какъ вѣрный послѣдователь Руссо въ отрицательномъ смыслѣ. Вліяніе Руссо и Прудона—несомнѣнно самыя сильныя въ духовномъ развитіи писателя. Не даромъ въ 1901 году Толстой писалъ, что онъ перечиталъ всѣ 20 томовъ сочиненія Руссо.

Второе сильное впечатлѣніе этой эпохи—смерть любимаго брата Николая, заставившая его задуматься о смыслѣ жизни и о смерти, опредѣлившая самымъ рѣшительнымъ образомъ весь послѣдующій пятидесятилѣтній путь его жизни.

Толстой задумывается надъ вопросами религіи. Его ясная, чуждая всякаго мистицизма мысль ищетъ примиренія религіи съ наукой. Это примиреніе возможно только путемъ отказа отъ всего таинственнаго и чудеснаго въ пользу этическихъ задачъ и цѣлей.

И вотъ въ дневникѣ отъ 5-го марта 1885 года Толстымъ записаны слѣдующія знаменательныя слова:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь, мысль эта—основаніе религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обещающей будущее блаженство на землѣ“.

Въ этой записи Толстого—все содержаніе его будущихъ религіозныхъ исканій, весь его евангелическо-христіанскій символъ вѣры. Двадцати семи-лѣтній юноша уже точно и опредѣленно сформировалъ все содержаніе своей будущей проповѣднической дѣятельности послѣднихъ сорока пяти лѣтъ своей жизни. Настолько невѣрны утвержденія самого